

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Щ61

Оформление серии *Марии Коняевой*

Щербакова, Галина.
Щ61 Женщины в игре без правил / Галина Щербакова. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-108856-9

В центре двух романов, вошедших в книгу, — жизни трех женщин: Марии Петровны, Елены и Аллы. Три поколения женщин одной семьи, и каждой из них суждено встретить свою настоящую любовь. Как отнесется внучка-подросток к тому, что у бабушки появился молодой и богатый поклонник? Который к тому же искренне ее любит и готов уйти ради нее от молодой жены?

Роман был экранизирован известным режиссером Юрием Морозом, а в главных ролях сыграли Ольга Остроумова, Оксана Акиньшина и Ирина Розанова.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108856-9

© Щербакова Г. Н., наследники,
текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ЖЕНЩИНЫ В ИГРЕ БЕЗ ПРАВИЛ

К новым чувствам надо привыкать, как к новой обуви. Их полагается разносить. Елена босиком ходила по доставшейся ей в обмене квартире и думала другое: если она сейчас же, сию минуту не полюбит ее как родную, потом этого уже и не случится. Любовь бывает или сразу, или никогда.

«Начнем, — сказала она себе. — Дивный вид из окна. Лес, овраг... Деревянный мосток... Я буду ходить по нему с плетеной корзинкой, как какая-нибудь барышня-крестьянка. А навстречу мне добрый молодец... Все вранье... Я сроду на эти мостки не выйду... Да и на черта они мне? От лесного кислорода голова болит сильнее, как от недосыпа: в виски стреляет».

Елена отошла от окна. «Звеня и подпрыгивая, как тот самый пятак», — подумала она.

Нет, любовь к квартире из пейзажа за окном не вырастала. Она прошлепала по коридору: ровнехонько тринадцать ее лап. «Знала бы, не менялась», — засмеялась она. И снова это — звеня и подпрыгивая. А потом стало совсем плохо: «тринадцать» стало преследовать ее на каждом шагу. Номер квартиры — девяносто четыре. Сумма цифр — тринадцать. Тринадцать рядков кафеля

над плитой. Тринадцать с копейками метров маленькая комната. Номер жэка — тоже тринадцать. И как она не заметила сразу: номер ее дома тридцать девять, что есть не что иное, как трижды тринадцать.

А ведь у нее было с маклером условие — не тринадцатый этаж. Ну так вот. У нее пятнадцатый, а изнутри весь — насквозь! насквозь! насквозь! — тринадцатый.

Елена почувствовала, как ее охватывает паника, как отбрасывает назад — к слезам, неустройству, неуверенности, слабости, в которых она жила последние годы. Она ведь придумала: въедет в квартиру, повернет ключ, и — пойдет новая, уже совсем хорошая жизнь. Потом, правда, она поняла, что не та она женщина: у таких, как она, битых и ломанных судьбой, поворот ключа не может решить все сразу и навсегда. И она дала себе поблажку — все будет не сразу, она будет разнашивать новую судьбу не спеша, постепенно... Она полюбит эту квартиру, хорошая квартира, замечательная. Лес в окне. Мост через овраг...

А получилось... Тринадцать, кругом тринадцать... Захотелось бежать, но бежать было некуда. Захотелось плакать, но исчезли слезы. Захотелось позвонить, но телефон сволочи-сменщики унесли с собой. А она свой постеснялась. Старенький аппарат из казенных, неудобно забирать... Вот и осталась одна с «постеснялась».

Елена пустила во весь напор воду в ванну. И сказала зеркалу: «Не думай! Вены я вскрывать не буду. Я просто помокну».

Она уперлась ногами в бортик, приподнимая над водой тело. Розовые ногти торчали из пены и существовали как бы независимо и освобожденно. Это свойство красоты — независимость. А ногти у Елены — высший

класс и на руках, и на ногах, жаль, нет конкурса по ног-там. Все бы рухнули рядом с ней. «Выручайте меня, пальчики, выручайте! — прошептала она своим «независимым». — Спасайте свою хозяйку». Она вынула из воды ногу, не такую уж длинную, как сейчас принято, но ничего, вполне, тонкая в кости, чуть суховатая, она набирала силу и нежность там, где самое место нежности. Елена знала, что у нее фигура из тех, что нравятся мужчинам. Она, как говорят в отделе, секси. Бабы ее этим подбадривали, когда она несколько лет по маковку сидела, как в дерьме, в своем жутком замуже, потом разводилась, делилась, шла от всей этой жизни паршой, чесалась, шелушилась, а бабоньки тут как тут: «Ленка! Ты такая секси. Плюнь на все!» В минуты такого жалостливого сестринства ей хотелось сделать что-нибудь совсем уж непотребное: пописать, например, в вазу для цветов, стоящую на столе у начальницы отдела, дамы, у которой все было до такой степени тип-топ, что приходилось думать плохое о самом мироздании. Что ж ты так себя ведешь, мироздание? Примитивной тетке с пористым носом-рубильником ты дало более чем, а остальным пожлобилось? Или это у тебя весы счастья такие, как у нашей буфетчицы: всем показывают полкило, хотя и трехсот грамм не набегает? Что тебе дала эта, с рубильником? Какую взятку? Хоть спроси прямо. Но неловко же некрасивому напоминать о его некрасоте. В этом случае пописать в вазу лучше. Гуманнее.

Так они — ей: «Ты секси, ты секси». Это значит — почка, грудь, талия и шейка высокая, длинным серьгам болтаться раздолье. Опять же... У «рубильника» шеи нет вообще. И цыганистые клипсы, которые ей надо было

выкинуть сразу, лежат у нее на плечах, как погоны генерала, а ей хоть бы что...

Зато ты — секси. Еж твою двадцать! Как ни странно, этот мини-гнев дал-таки результат. Он рассмешил. И Елена стала вспоминать разные отделские глупости, в которых она отходила от семейной беды.

Врагу не пожелаешь, что она пережила за последние пять лет. Пять лет монстр по имени «развод и раздел» сжирал не просто любовь, какая уж там любовь, сжирал всю ее жизнь. Каждый день она просыпалась с ощущением исчезающей жизни. Семнадцать лет — не халам-балам в биографии, но, оглядывая их, Елена видела изъеденную молью ветошь, которой место на помойке, она тащила ее туда, но оказывалось, что ветошь, битая, траченная, и ее тащила за собой. В ней, Елене, получалось, не было жизни самой по себе, без этих семнадцати лет. Леночка-секси — сама по себе — была где-то там, в розовом детстве и юношестве, но эта уже почти фантомная девочка ничем не могла ей помочь. Более того, она даже как бы мешала ей спастись, она отягощала своей хрупкостью и слабостью. Тут бы самой выжить, а получается, еще спасай хорошенькую химеру с идеалами, принципами, воображением. Такое вот Нечто, такое НЛО собственной жизни.

Елена знала: она еще долго будет глодать эту кость. Будет ее закапывать подальше, но и вырывать, закапывать и вырывать, и грызть, и урчать над этим Ничем Жизни. Она была готова к этому. Ее мама после смерти отца десять лет говорила о нем как о живом и присутствующем. Елена просто заходила от раздражения. Как можно! Интеллигентная женщина. Теперь же сделала наблюдение: воспоминания ненависти, может, и

круче воспоминаний любви. Так что держись, подруга! И держись подальше со всем этим от Алки, от дочери. Чтоб не высадились в ней семена неудачи. Это ведь за-просто. У «носа-рубильника» дочь — совершеннейшая мартышка, но уже по маковку в любви и благополучии. Мироздание! Ты совсем спятило, или?.. Перед Алкой она будет разыгрывать «театр успеха». Хорошо, что лето. Время репетиции удачи. Хорошо, что она скинула дочь бабушке. Она обтопчет новую квартиру босыми но-гами, она полюбит ее, как свою. Она повесит занавески, которые намечтала, выставит остатки керамики (ну мог ты, муж-паразит, не выхватывать из комплекта круж-ки-братины, я же предлагала тебе за них деньги!), она выскоблит кухню и купит (черт с ним, с новым пальто, если она и так секси) диванчик-угольник с яркой обив-кой, а над столом спустит низко-низко лампу с абажу-ром под цвет угольника. Она скажет Алке:

— Дочь! Мы с тобой вот такая пара! — Елена вынула из пены кулак и выставила большой палец с фальшивым ногтем. — Вот такая! А к папе будешь ездить в гости. Я не зверь...

Наверное, Алка фыркнет. Это у них такие отноше-ния. Мать бесится, сходит с ума — дочь фыркает. Они в отделе часто обсуждают проблему дочерей. Одна опти-мистка, тоже из разведенных, говорит так:

— Все путем. Дочь у меня зараза, но, слава богу, не проститутка.

«Рубильник» сказала:

— Ну, знаете... Так о своем ребенке...

Елена тогда была на взводе и ляпнула:

— Господи! Да пусть будет кем угодно, только бы лю-била мать! Только бы любила!

Это был момент, когда Алка решила, что с отцом ей будет лучше. Как она говорила, «дешевле». Елена тогда чуть умом не тронулась и даже додумалась: если такая цена, то не дам развода. Лучше мыкаться втроем, чем без дочки.

Откуда ей своим свороченным умом было сообразить, что Алка играла на нервах, что у нее был свой кайф в этом деле: ощущение себя призом гонки. И папочка гонится, и мамочка не отдает. Это ж что-то значит в жизни! Но прошло, как с белых яблонь дым. Дама сердца отца, которая отбивала у Елены метры и килограммы, в падчерице заинтересована не была. Разве что в момент пакости, чтоб сообщить в суде, что ребенок хочет жить с отцом, потому что «вы понимаете, какая мать». Вот тогда Елена ходила в парше и сдвинутой набок юбке — и никакого «секси». Абсолютно. Скелет в парше.

Что и сыграло положительную роль. Женщине с возбуждающей попкой и высокой шеей могло бы дорого обойтись Алкино подлое поведение, а женщина в процессе шелушения у нас была, есть и будет первый человек державы. Она горит на работе. Она не возбуждает мужчин, а значит, и не является опасным для общества членом. Шелушитесь, бабы, шелушитесь, вам доверия от страны больше. Вы кость от кости или от чего еще там... Сейчас Алка у бабушки на даче. Елена взяла две недели, не отгулянные в прошлом году, чтоб довести до ума квартиру и одновременно попривыкнуть к отдаленному месту. Что ни говори, а жила она всю жизнь в центре, на пяточке Курского вокзала. Меняться было очень трудно. Вариант, который подвернулся, считай, счастье, если у тебя голова не болит от леса и ты испытываешь умиление от вида деревянных мостков через

овраг. Но это она так, гнусит по привычке, чтоб набить цену Курскому вокзалу. Квартира ей досталась хорошая: две отдельные комнаты, приличная кухня, ванная в кафеле, а на Курском она вечно держала в углу краску, чтоб замазывать чернеющие углы. И тишина. Блаженная, хотя, как обнаружилось, тяжелая. Такое ощущение, будто в ушах кляпы. Ну не кляпы. Кляпы бывают во рту. Но это неизвестно что хотелось стянуть, сбросить, чтоб в мозг вонзился голос станционного диспетчера, стук электрички, клацанье стыков рельс, и во всем этом шуме и гаме ты искал бы и нашел себя, скукоженного, жалкого, но ведь живого, черт возьми! А как осознаешь себя в тишине, как себя найдешь? Где ты в ней?

Елена сочла нужным голой пройтись по квартире. Пометить стены собственной тенью.

«Ничего, ничего, — говорила она себе. — Я уже вынырнула. Я еще булькаю, но я знаю, что жива. Я сейчас за себя выпью».

В холодильнике стоял вермут. Последнее время они в отделе к нему пристрастились. И даже больше любили совковый, с зеленой картинкой. В нем сильнее чувствовалась полынь, она не исчезала ни от каких добавок и горчила, как и полагается. В момент застолий они называли себя «сестры-вермут» и почему-то всегда говорили о том, что Россия сбилась с пути не от дурных политиков, не от неудобоваримых идей разных психопатов, а от манеры «заглотить внутрь» — без удовольствия, исключительно с одной жадностью. Тяпнуть — слово-то какое! В нем нет процесса питья — один результат... Кстати, так же россияне ведут себя и в любви. «Ты кончила?» — вот и вся радость. Не успев начать — кончить. У русского человека нет движения времени, только стремительность

конца. Быстро выпить, быстро трахнуть, абы как, абы как... Не отсюда ли стремление к войне как к универсальному способу ускорения жизни? Раз — и нету тебя. А то ведь — живи и живи... Живи и живи. Я русский, я хочу быстро кончить.

«Сестры-вермут» на процессе потягивания вермута дошли до многих экзотических мыслей, но они были русские сестры, умные мысли уплывали у них в никуда, в дым; бесхозные и легкие, они растворялись в космосе, питая его, и не было конца этим щедротам.

Елена налила себе вермута прямо в керамическую чашку, добавила сырой воды, выдавила лимон.

— За меня, — сказала она. — Пусть мне будет хорошо.

Она включила радио. Передавали сообщение о землетрясении на Дальнем Востоке.

Зубы застучали о чашку, и вермут потек по подбородку. Нет, она не знала тех погребенных под обломками людей. У нее не было там родных и знакомых. Зубы стучали, как тот самый колокол, который всегда звонит по тебе. Она не могла отделаться от ощущения предопределенности собственной судьбы. Стоило ей пожелать себе удачи, как ударило землетрясение. Елена ревела так, как не ревела никогда. Она не заметила, что обломила кончик чуть треснутой чашки и из ее губы пошла кровь. Вместе с вермутом она стекала по подбородку, шее, в игре наперегонки капли вермута были куда сноровистее, они обгоняли кровь, которая как раз стыла на ходу, как бы засыпая... Слезы же... Слезы... Они шли своим соленым путем. Они не покидали ее, затекая в рот, и она сглатывала все вместе — полынь, соль и остаточную сладость вермута. И в этот момент в дверь позвонили.

К ней никто не мог прийти. Никто. Значит, это ошибка. И можно сделать вид, что звонка нет. Она хотела посмотреть в глазок, но — дура какая! — постеснялась наготы, как будто ее видно за дверью. Она тихо поставила чашку и провела рукой под носом. Тут-то и обнаружила кровь. А звонок звенел пронзительно, боясь о стены полупустой квартиры, он отзванивал даже в стеклах окон, не прикрытых занавесками.

Елена на цыпочках сбегала в ванную и натянула халатик, на котором не хватало двух нижних пуговиц. На цыпочках же подошла к глазку. Прямо в лицо ей смотрел страшный бородатый мужик, несоразмерный, искаженный по краям. У него не могло быть добрых намерений, потому что говорил он громко и грубо: «Откройте же, сволочи! Вы же дома».

«Конечно, — подумала Елена, — я же, видимо, включила радио в тот самый момент, как он вышел из лифта. Он это слышал». Она с ужасом смотрела на хлипкую дверь, которая выбивается одним ударом ноги. У нее не было телефона. Она знала, что соседи на даче: видела, как звенели они связкой ключей, закрывая две двери, — простую и железную. Она тогда подумала: такую же дверь сделаю после углового диванчика.

— Какого черта? — закричала она изо всех сил. — Какого черта вам надо?

— Да откройте же наконец! — кричал ей мужик. — Вы что, нелюди?

— Нелюди! Они и есть. И никого не ждем! И никого не звали! И если вы не уйдете к чертовой матери, я вызову милицию.

— Вызовите! — ответил мужик. — Я вас умоляю, сделайте это.

И... Елена отомкнула дверь.

Это был измученный, вычерневший человек, у ног которого валялся рюкзак. Он не был страшен, скорее сам был напуган или несчастен, ему сейчас шли все определения беды и горя, и Елена сказала: «Проходите!», забыв о недостающих пуговицах и вспомнив о них уже вослед абсолютно индифферентно скользнувшему по раствору ее халата взгляду мужчины. Он прошел прямо в кухню и стал пить воду из крана, припав к нему губами.

— Я дала бы вам чашку, — сказала Елена, смущаясь бутылки вермута на столе и чашки со следами крови. «То-то обо мне подумает! — решила она, но гордо отогнала мысли. — Еще чего! Буду перед каждым делать вид». По радио снова говорили о землетрясении.

— Где? — спросил мужчина.

— На Дальнем Востоке, — ответила Елена.

— Понятно, — сказал он. — Это ожидаемо. Извините, что я ворвался и напугал вас. Здесь раньше жил мой приятель, но не такой, чтоб сообщать мне свой новый адрес. У нас командировочная дружба. Вы мне не скажете, где он теперь получил квартиру?

— Понятия не имею, — ответила Елена. — У нас был сложный обмен. Семеро в цепочке. Я вообще его не знаю. Я слышала, он переехал к женщине. Но, может, ошибаюсь.

— Знаю я эту женщину! — в сердцах сказал мужчина. — Я их и познакомил.

— Я ничем не могу вам помочь, — ответила Елена.

— А вы позвоните маклеру, — попросил мужчина. — Если есть цепь, значит, есть маклер?

— Маклер есть, — засмеялась Елена. — Телефона нет.

— А! — ответил мужчина. — Милицией вы меня пугали?..

— А что мне оставалось делать?

— Ну да! Я вас понимаю. Вы знаете, что вы в крови?

— Да, кажется... — Она побежала в ванную и увидела этот ужас — свое лицо. Красные зарезанные глаза, кровь и слезы, снулые волосы вдоль щек, вспухший порез на губе и даже шея, у которой больше всего было шансов остаться пусть не победительной, но хотя бы не побежденной, была поникшей, согбенной выей, на которой ярмо просто классно гляделось. С нее бы картину писать: ярмо на шее. Чтоб ярма не было, а сама шея олицетворяла ярмо.

«Он не свататься пришел, — сказала своему изображению Елена. — Я его не знаю, и он мне никто». Она насухо вытерла лицо и стянула волосы резинкой. С тем и вышла — нате вам и извините за предыдущие сопли.

Но когда она вошла в кухню, она поняла, что ее горе — не горе, и вид ее — не вид, что на свете есть что-то и пострашнее.

Он сидел на табуретке и раскачивался на ней. У него были закрыты глаза и открыт рот. И изо рта шел тихий стон, и она подумала: у него кто-то там, в землетрясении.

Ну просто не могло ей ничего другого прийти в голову, хотя он ведь сказал ей: «Ожидаемо».

Мужчина услышал ее и так сжал зубы, что они у него скрипнули, а Елена почувствовала во рту крошево его зубов. Она даже провела языком во рту — крошева не было, но оно было! Со вкусом его пломб и табака. «Я схожу с ума», — подумала Елена.

— Вас покормить? — спросила она. — Хотите вермута? Или примете ванну?